

3. *Сы шу*. Конфуцианское «Четверокнижие»; пер. с кит. и коммент. Л. С. Переломовой / А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова; вступ. ст. Л. С. Переломова. – М.: Вост. лит., 2004. – 431 с.
4. *Фещенко, В. В.* О внешних и внутренних горизонтах семиотики / В. В. Фещенко // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2005. – Вып. 8. – С. 6–43.
5. *Ян Жуй*. Фитонимы с метафорической мотивированностью в русском и китайском языках // Весн. Сер. 4. – 2008. – № 1. – БДУ. – С. 46–49.
6. 高明乾. 植物古 汉图 名考 青 岛, 2006 (Гао Миньцян. Исследование древних названий растений. – Циндао, 2006).
7. 李时珍. 本草 纲 目 北京, 1999 (Ли Шичжэнь. Основные положения фармакологии. – Пекин, 1999).
8. 夏玮瑛. 植物名 释 札 记 .北京, 1990 (Ся Вэйин. Очерки по китайской номенклатуре растений. – Пекин, 1990).

The article examines secondary phytonymic nominations related to the image of human beings, may be characterized in terms of their appearance, mental abilities, internal emotional state, age, profession, occupation, and social status. The universal and national-specific features of phytomorphisms of the Russian and Chinese languages are identified, the types (nonequivalent, incomplete equivalent and equivalent) of the semantic correlation of the secondary phytonymic nominations of a person are established.

Поступила в редакцию 03.04.2019

Ю. Е. Козлова

МОТИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОМИНАЦИЙ ПОНЯТИЯ ЗАБОТЫ (на материале литовского языка)

Статья посвящена рассмотрению понятийной сферы заботы в литовском языке. С помощью деривационного и этимологического анализа автор возводит литовские лексемы с семантикой заботы к праиндоевропейским этимонам и строит цепочку семантических переходов, которые являются предпосылками для формирования значения 'забота'. На базе семантических переходов выявляются семь мотивационных моделей, которые лежат в основе формирования номинаций понятия заботы в литовском языке.

Лексико-семантическая типология является одним из ведущих направлений современной лингвистики, представляя собой комплексную дисциплину, позволяющую объединить синхронный и диахронный подходы к исследованию лексических единиц с целью выявления закономерностей развития их семантики.

Ключевыми для лексико-семантической типологии являются понятия «мотивационная модель», «семантический переход» и «семантическая параллель».

Мотивационная модель и семантический переход представляют собой разные направления одного и того же процесса – образования нового значения.

О мотивационных моделях следует вести речь в рамках ономазиологической перспективы, а о семантических переходах – в контексте семасиологии. Мотивационная модель представляет собой принцип, схему, в соответствии с которой происходит номинация объекта действительности. Выявление мотивационной модели позволяет выделить семантический признак, лежащий в основе процесса названия объекта действительности. Регулярность и воспроизводимость мотивационных моделей следует считать важнейшим свойством лексико-семантических полей как моносистемного масштаба, то есть представляющих собой совокупность лексем в рамках одной языковой системы и одного синхронного языкового среза, обладающих общими семантическими признаками, так и полисистемного, то есть объединяющих лексемы с общими семантическими признаками в рамках нескольких языков на разных временных отрезках [1, с. 115].

Семантический переход представляет собой определенную концептуальную смежность между двумя языковыми значениями в рамках одного слова или пары родственных слов [2, с. 33].

Объектом настоящего исследования выступают лексемы литовского языка, обладающие семантикой заботы. Лексика с семантикой заботы была отобрана методом сплошной выборки из «Литовско-русского словаря» А. Либериса [3], «Литовского словаря» А. Юшкевича [4], «Этимологического словаря литовского языка» В. Смочинского [5], но рамки настоящей статьи не позволили рассмотреть все 48 отобранных лексем, поэтому мы решили остановиться на тех из них, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес в связи с возникающими трудностями при их анализе.

Целью настоящего исследования является выявление семантических переходов и мотивационных моделей, лежащих в основе формирования семантики заботы в литовском языке. В качестве методов исследования в работе используются дефиниционный, этимологический, деривационный, а также семантико-мотивационный анализ.

Следует отметить, что в словаре А. Юшкевича [4] присутствует много диалектных и устаревших слов, которые зачастую отсутствуют в толковых и переводных словарях. Привлекает внимание зафиксированная в словаре А. Юшкевича [4, с. 1] лексема *ābalga* ‘забота’, которая отмечена в «Толковом словаре литовского языка» [6] как архаизм и, помимо семантики заботы, обладает следующими значениями: ‘трудность, горе, мучение’; ‘придирка, повод’; ‘клевета, обида’. Она восходит к апофоническому варианту *abelgà* с первым значением ‘злость, неудовлетворенность’ и соответствующим арсеналом значений, характерных для лексемы *ābalga*. В польском языке мы обнаруживаем подобную лексему *obelga* ‘оскорбление, неуважение’, которая является источником для лит. *abelgà*. Согласно «Польскому этимологическому словарю» [7, s. 371], данная лексема восходит к глаголу *obelżyć* ‘оскорбить, обесчестить’, восходящему, в свою очередь, к глаголу *lżyć*, современное значение которого – ‘оскорбить словом’, а более старшее значение – ‘сделать легким, снять тяжесть’, которое и явилось основанием

для возникновения переносного значения ‘оскорбить’ как ‘понизить чью-либо значимость, ценность’, т.е. ‘унизить’. Глагол *lžyc* является продолжением прасл. *lbgь* ‘мягкий, легкий’ и, соответственно, восходит к праиндоевропейскому (ПИЕ) корню **leg^{wh}-* [8, S. 660–661] / **h₁leng^{uh}* [9, S. 247] со значением ‘легкий в движении и массе’, ‘двигаться легко и проворно’. Таким образом, развитие семантики заботы у лексемы *ābalga* можно представить в виде следующей цепочки семантических переходов: ‘легкий’ → ‘делать кого-то незначительным’ → ‘(принижать) оскорблять’ → ‘оскорбление’ → ‘злость (как результат)’ → ‘досада (печаль)’ → ‘забота’.

В словаре А. Юшкевича [4, с. 27] имеется лексема *apalgavoti*, ‘призреть, позаботиться о чьих-либо нуждах’, которую «Толковый словарь литовского языка» [6] признает архаизмом. Она восходит к вышедшему из употребления глаголу *algavoti* со значением ‘заботиться, присматривать’. Очевидно, что данный глагол образован от существительного *alga* ‘плата, жалованье’. Согласно «Литовскому этимологическому словарю» Э. Френкеля [10, S. 7], существительное *alga*, которое зафиксировано в современных словарях в отличие от производных глаголов, является продолжением праиндоевропейского (ПИЕ) корня *alg^{wh}* [8, S. 263] / *h₂elg^{uh}* [9, S. 329–330]. Анализируя семантику других континуантов ПИЕ корня *alg^{wh} / h₂elg^{uh}*, например, др.-инд. *ārhati* ‘стоять’, ‘зарабатывать’, ‘заслуживать’; авест. *arəjaiti* ‘стоять (иметь цену)’, греч. *ἀλφή* ‘приобретение, покупка’, мы можем предположить развитие значения ‘забота’ у глаголов *algavoti* и *apalgavoti* по следующей модели: ‘зарабатывать (добывать)’ → ‘обеспечивать’ → ‘заботиться’. Важно заметить, что значения заботы и обеспечения также совмещаются, например, в семантической структуре нем. глагола *besorgen*, укр. *старуватися*, польск. диал. *starować się*.

Еще одна устаревшая лексема с семантикой заботы в литовском языке – это существительное *atódaira* ‘внимание, забота’. По всей видимости, она восходит к глаголу *dairytis* ‘оглядываться, осматриваться’ (соответствующего префиксального глагола не было обнаружено), который является интенсивом по отношению к глаголу *dyrėti* ‘глазеть, смотреть, вытаращив глаза’. В прусском языке имеется родственный глагол *endyrītwei* ‘взирать, смотреть’. Э. Френкель [10, S. 89–90], В. Н. Топоров [11, с. 40], В. Смочинский [5, S. 277] предполагают отнесенность *dyrėti* к корню **der-* [8, S. 206–208; 9, S. 119–120] ‘резать, расщеплять, сдирать’. В санскрите есть глагол *ādṛīyāte*, в семантической структуре которого совмещаются значения ‘забота’ и ‘внимание’, подобно тому, как это происходит у лексемы *atódaira*. Автор «Краткого этимологического словаря санскрита» М. Майрхофер [12, с. 77] полагает, что нет оснований считать, что *ādṛīyāte* восходит к отдельному корню *dṛ-* со значением ‘обращать внимание’, а относится к корню *dṛ-* со значением ‘раскалывать, резать, протыкать’. В. Н. Топоров [11], М. Майрхофер [12], а также Э. Френкель [10], В. Смочинский [5] и др. считают обоснованным образование значения ‘вглядываться, всматриваться’, ‘обращать внимание’ как результата развития семантики раздиранья, раскрытия. Например, ‘про-

дирать глаза' → 'всматриваться'. Таким образом, цепочка семантических переходов, лежащая в основе развития семантики заботы, выглядит следующим образом: 'раздирать' → 'раскрывать (продирать) глаза' → 'всматриваться' → 'обращать внимание' → 'заботиться'. Как представляется, на примере санскритской и литовской лексем мы имеем дело с семантическими параллелями в образовании значения 'забота'.

Глагол *šilti* имеет очень широкую семантику, которая варьируется от значений 'греть', 'нагреваться', 'теплеть' до 'таять'. Арсенал переносных значений также велик, среди которых в том числе имеются значения 'стараться', 'заботиться', которые, правда, вопреки Э. Френкелю, В. Смочинский [5, s. 1557], вслед за авторами «Толкового словаря литовского языка», не считает связанным с семантикой тепла. Так, «Толковый словарь литовского языка» [6] вследствие отдаленности семантики тепла и значений 'давать деньги', 'бить', 'стараться, заботиться'; 'мучить' выделяет омонимичный глагол *šilti*. Мы склонны согласиться с Э. Френкелем [10, S. 984] и все же вести речь об одном глаголе *šilti*, а не об омонимах, и считать вышеуказанные значения вторичными относительно семантики нагревания и затем таяния, что будет аргументировано далее.

На примере латинского глагола *foveo* 'греть' можно отметить наличие семантического перехода в рамках полисемии от значения 'физическое тепло' к семантике душевного тепла, что в итоге дает значение 'заботиться' как результат развития значения 'согреть, обогреть, приласкать'. В «Ностратическом словаре» А. Долгопольского [13, p. 773–774] имеется корень **ḡoḡtV* 'греть, нагревать', финский дериват которого в виде лексемы *into* обладает семантикой желания, стремления, что близко к семантике старания, которую развивает рассматриваемый литовский глагол. Значение нагревания может послужить основанием для образования значения 'бить', например, рус. жарг. *вжарить* 'ударить'. Имеются также примеры того, что значение 'таять, растапливать' в качестве переносного может давать семантику утомления, измученности, например, лтш. *kust* [14, S. 328]. 'таять', 'утомлять(ся)'. О. Н. Трубачев [15, с. 313] в контексте рассмотрения семантического перехода 'таять → молчать' упоминает лит. *tirpti* 'таять, растворяться' и прасл. *tyrpěti*, 'терпеть, страдать', что свидетельствует о концептуальной смежности значений таяния и страдания. Таким образом, формирование значения 'забота' в смысловой структуре глагола *šilti* можно реконструировать следующим образом: 'нагревать' → 'таять' → 'размягчаться (становиться бессильным)' → 'терпеть' → 'мучиться' → 'заботиться' → 'стараться'. Интересно, что значение 'таять' может быть также связано с семантикой 'тратить'. Например, англ. *melt* 'таять' также принимает переносные значения 'тратить деньги (на алкоголь)', 'разменивать валюту'.

Основным экспликатором семантики заботы в литовском языке являются дериваты корня *rūp-*. К ним относятся: *rūpėti* 'интересовать', 'заботить', 'озабочивать'; *rūpestis* 'забота, озабоченность'; *rūpestingas* 'заботливый старательный'; *rūpintis* 'заботиться, беспокоиться'; *susirūpinimas* 'забота',

‘озабоченность’, ‘беспокойство’. Согласно В. Смочинскому, *rūp-* восходит к корню *rup-* (с кратким гласным) на основании аблаута в нулевой ступени [5, с. 1272]. К данному корню относятся прилагательные *rupūs* ‘грубо измельченный’, *rupybè* ‘неровный’, которые, соответственно, восходят к *raupŷti* ‘ковырять, рыть’. Глагол *rupti* ‘покрываться оспинами’, ‘делать кожу неровной’, как указывает Э. Френкель [10, S. 750], находится в отношениях апофонии с глаголом *raŷpti* ‘шить, вышивать’, ‘выкапывать (овощи)’ и глаголом *ruðpti* ‘ковырять, выковыривать’, ‘долбить, выдалбливать’. Значение ‘забота’, вероятно, развивается из семантики страдания: ‘рвать’ → ‘страдать (мучиться)’ → ‘беспокоиться’ → ‘заботиться’. Возможна также смежность значений ‘неровной кожи в рытвинах (морщинах)’ и ‘заботы’, т.е. экспликации разрушительного воздействия беспокойства, переживаний на человека и отражения забот на его лице. В славянских языках, например, имеется связь семантики заботы со старением, что отражается в семантической структуре континуантов прасл. гл. **starati se*.

Глагол *steĩgti* имеет обширный арсенал значений: ‘учреждать организовывать’, ‘обеспечивать, доставлять’, ‘стараться, заботиться’, ‘хотеть, стремиться’, ‘спешить’. В. Смочинский отмечает, что значение ‘спешить’ у данной лексемы присутствовало в старолитовский период [5, с. 1453]. Родственными образованиями являются *įsteĩgti* ‘основывать, учреждать’, *susteĩgti* ‘сделать, добиться’, ‘смочь’, ‘раздобыть’, *steĩgtis*, *steigiũos*, *steigiaũs* ‘торопиться’, ‘стараться, прилагать усилия’, *įsisteĩgti* ‘приобрести себе что-л’. Среди лексем, связанных отношением апофонии с глаголом *steĩgti*, можно отметить *staigà* ‘вдруг’, *staigũs* ‘внезапный’. Не вызывает сомнений, что рассматриваемый глагол восходит к ПИЕ корню **steigh-* [8, S. 1017–1018] / **steig^h-* [9, S. 593–594] со значением ‘ступать, подниматься’. Продолжениями данного корня также являются лтш. *stèigtiês* ‘спешить’, ст.-слав. *стигнѣти* ‘приходить’, *постигнѣти* ‘достигать’ и др. Как замечает В. Смочинский [5], старшим значением *steĩgti*, вероятно, является значение ‘привести в движение’. Основанием для развития семантики заботы могло стать как само значение ‘приводить в движение’, которое связано с семантикой суеты спешки, так и значение ‘стараться’, а также ‘обеспечивать’. Например, лат. *cieo* ‘приводить в движение’ лежит в основе прилагательного *sōlicitus* ‘заботливый’. Английский глагол *fuss* ‘суетиться’ в сочетании с предлогом *about / over* может принимать значение ‘опекать’. Как было отмечено выше, нам известны семантические переходы ‘заботиться’ → ‘обеспечивать’ и ‘обеспечивать’ → ‘заботиться’. Также имеются примеры перехода значения ‘стараться’ в ‘заботиться’, а ‘заботиться’ – в ‘стараться’, яркой иллюстрацией чего являются славянские языки. Можно также привести пример нем. глагола *schaffen*, который совмещает в своей семантической структуре значения ‘создавать, творить’, ‘работать, трудиться’, ‘позаботиться, потрудиться’. Английский глагол *create*, помимо значений ‘создавать, творить’, может принимать значения ‘суетиться, жаловаться’. Таким образом, учитывая

приведенные выше семантические параллели из разных языков, для глагола *steĩgti*, в силу концептуальной смежности всех его значений со значением заботы, невозможно построить однозначную мотивационную модель образования семантики заботы.

Глагол *vaikšćioti* ‘ходить, гулять’ обладает широким диапазоном значений, который свойственен глаголам движения. Среди более дюжины значений обнаруживается и семантика заботы: *Gera ūkininkė visadà vaikšćioja apie savo gyvulius*. ‘Хорошая хозяйка всегда заботится о своих животных’ [6]. Этимологический анализ данной лексемы осложняется трудностями, возникающими в ходе его деривационного анализа. В. Смочинский [5, S. 1774] рассматривает это слово как производное от корня *vaikšć-* с добавлением суффикса *-oti*. Данный корень лежит в основе претерита *vaikšćiau* от глагола *vaikštyti*, более разговорного варианта с той же семантикой ‘ходить, гулять’. В. Смочинский указывает на возможность реконструкции праформ **vaikštyti*, **vaikštau*, **vaikšćiau*, которая является результатом аблаута *vaik-* от *veik-* с добавлением суффикса *-sty*, образующего форму фреквентатива. Таким образом, глагол *vaikšćioti* восходит к глаголу *veĩkti* со значениями ‘делать’, ‘действовать’, ‘функционировать’. Э. Френкель [10, S. 1181] указывает на то, что *vaikšćioti* образуется от глагола *vaikyti* ‘гнать’, по отношению к которому первый является фреквентативом. Последний, в свою очередь, является результатом аблаута от *veĩkti*. Р. Дерксен [16, p. 302] придерживается мнения, что *vaikšćioti* восходит к *vykti* ‘следовать, направляться’. Как отмечает В. Смочинский, со ссылкой на Н. Островского, для реконструкции **vykst-joja* > *vaikšćioja* нет достаточных оснований, поскольку суффикс *-s/šcio*, который также выделяет и Э. Френкель, исключает возможность апофонии. Тем не менее отнесенность *vaikšćioti* к ПИЕ **ueik⁻²* ‘настойчивое проявление силы’ / **ueik* ‘преодолевать, побеждать’ не вызывает сомнений. Семантика корня находит отражение в семантике глагола *apveĩkti*, которая совмещает в себе значения ‘работать, трудиться’, ‘преодолевать, побеждать’. Цепочка семантических переходов, лежащих в основе образования значения заботы, может иметь следующий вид: ‘проявлять силу’ → ‘действовать’ → ‘приводить в движение’ → ‘двигаться’ → ‘ходить вокруг кого-л / чего-л.’ → ‘заботиться’.

Для нас представляют интерес континуанты корня *slaug-*, поскольку они обладают семантикой заботы, не связанной с эмоциональными переживаниями. Например, *slaugà* ‘уход’ *slaugyti* ‘присматривать, ухаживать, заботиться’ и более позднее образование *slaiũgti* ‘ухаживать (за больным)’, ‘укрывать’ [5, s. 1381]. Данные лексемы являются продолжением ПИЕ корня **slougo-* ‘помощь, служение’ [8, S. 965], к которому также относятся продолжения прасл. глагола **služiti*, восходящего к прасл. **sluga*. Таким образом, значение ‘забота’ является результатом семантического перехода ‘помогать (служить)’ → ‘заботиться’.

На материале литовского языка нам удалось выявить пять глагольных мотивационных моделей, лежащих в основе формирования номинаций понятия заботы: ‘обеспечивать → заботиться’; ‘всматриваться (внимательно

смотреть) → заботиться'; 'мучиться → заботиться'; 'беспокоиться → заботиться'; 'ходить вокруг кого-л. / чего-л'. → 'заботиться'; 'помогать' → 'заботиться'; а также одну субстантивную мотивационную модель 'печаль → забота'. Наличие такого разнообразия моделей в одном языке свидетельствует о том, что забота представляет собой сложное и многогранное явление, сопряженное как с эмоциями, так и с конкретными действиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстая, С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С. 112–127.
2. Зализняк, А. А. Семантический переход как объект типологии / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 32–51.
3. Lyberis, A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas / A. Lyberis. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. – 951 p.
4. Юшкевич, А. Литовский словарь с толкованием на русском и польском языках: в 3 т. / А. Юшкевич. – СПб. : Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1897. – Т. 1: А-D. – 392 с.
5. Smoczyński, W. Słownik etymologiczny języka litewskiego [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rromanes.org/pub/alii/Smoczy%20W.%20S%20ownik%20etymologiczny%20j%20zyka%20litewskiego.pdf>. – Дата доступа : 04.04.2019.
6. Lietuvių kalbos žodynas [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lkz.lt/>. – Дата доступа : 04.04.2019.
7. Boryś, W. Słownik etymologiczny języka polskiego / W. Boryś. – Kraków : Wyd. Literackie, 2005. – 861 s.
8. Pokorny, J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch : in 2 Bd. / J. Pokorny. – Bern; München : Francke Verlag, 1959–1969. – Bd. 1. – 1959. – 1183 S.
9. Lexikon der indogermanischen Verben / H. Rix [et al.]. – Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001. – 823 S.
10. Fraenkel, E. Litauisches Etymologisches Wörterbuch : in 2 Bd. / E. Fraenkel. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1962–1965. – 2 Bd.
11. Топоров, В. Н. Прусский язык: в 5 т. / В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1975–1990. – Т. 2: Е-Н. – 352 с.
12. Mayrhofer, M. Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen : in 4 Bd. / M. Mayrhofer. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1956–1980. – Bd. 2: D-M. – 699 S.
13. Dolgopolsky, A. Nostratic Dictionary / A. Dolgopolsky. – Cambridge : McDonald Institute for Archaeological Research, 2012. – 3659 p.
14. Mühlenbachs, K. Lettisch-Deutsches Wörterbuch: in 4 Bd. / K. Mühlenbachs. – Riga: Lettisches Bildungsministerium, 1923–1932. – Bd. 1: А-I. – 839 S.
15. Трубачев, О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура: в 2 т. / О. Н. Трубачев. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – 800 с.

16. *Derksen, R. Metatony in Baltic / R. Derksen. – Amsterdam–Atlanta : Rodopi, 1996. – 458 p.*

The paper examines the semantic domain of care in Lithuanian with the focus on successive semantic shifts that give rise to the meaning of care within the semantic structure of various Lithuanian lexemes. The author reveals seven motivation patterns that make up the basis for the formation of the nominative units with the semantics of care in Lithuanian.

Поступила в редакцию 18.04.2019

К. И. Лещенко

РЕКУРСИВНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В данной статье рассматривается методологический аспект рекурсивной реконструкции. Рекурсивная реконструкция – это метод синтаксического анализа, разработанный в русле комбинаторной семантики и предусматривающий рассмотрение всех уровней структуры предложения и при необходимости – восстановление пропущенных членов предложения на основе модели мира. Данная работа представляет собой аналитический обзор основных лингвистических теорий, повлиявших на становление комбинаторной семантики в целом и лежащих в основе метода рекурсивной реконструкции. Статья призвана выделить важнейшие идеи, составляющие теоретическую базу для разработки вышеуказанного метода.

Основы рекурсивной реконструкции как метода синтаксического анализа впервые сформулированы А. Н. Гордеем [1] и являются дальнейшим развитием положений комбинаторной семантики. Комбинаторная семантика – это «лингвистическая дисциплина, изучающая отображение языком динамики ролей индивидов в событии» [2]. Положения комбинаторной семантики раскрываются в работах таких белорусских лингвистов, как В. В. Мартынов, А. Н. Гордей, Н. И. Руденко, К. В. Карасева и др. Рекурсивная реконструкция может применяться при анализе рекурсивных предложений – то есть предложений, содержащих вложенные (рекурсивные) структуры и для полноты анализа требующих реконструкции членов предложения на глубинном уровне, причем в случае сложной (предикативной) рекурсии результатом подобной реконструкции будет целое предложение. Метод также позволяет реконструировать пропущенные члены предложения на основе контекста или модели мира и снять противоречия, которые зачастую возникают при анализе предложений линейно, без рассмотрения уровней рекурсии. Рекурсивные структуры особенно широко распространены в китайском языке: так, итогом реконструкции определения 我妹妹做的 ‘сделанная моей младшей сестрой’ в предложении 这个盒子是我妹妹做的 ‘Эта коробочка сделана моей младшей сестрой’ [3, с. 260] будет самостоятельное предложение 我妹妹做盒子 ‘Моя младшая сестра сделала коробочку’, в котором также будут выделяться определение, подлежащее, сказуемое, а также прямое дополнение, пропущенное в изначальном предложении.